

18+

Наталия Рай



Два  
зверёныша  
или  
Мужчины  
не влюбляются

Наталия Рай

**Два зверёныша, или  
Мужчины не влюбляются**

«Издательские решения»

**Рай Н.**

Два зверёныша, или Мужчины не влюбляются / Н. Рай —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558579-0

Не существует человека, который не боялся бы предательства. Как себя обезопасить от этого? Возможно ли это? А если возможно — как достичь? Это проблема из практически нерешаемых. Главная героиня пробовала различные методики самозащиты. Но предательств избежать не удаётся никому и никогда. Тем не менее –особо устойчивым у судьбы припасены награды!

ISBN 978-5-00-558579-0

© Рай Н.

© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 Беглецы                   | 6  |
| Глава 2 Юность                    | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 37 |

# **Два зверёныша, или Мужчины не влюбляются**

**Наталия Рай**

© Наталия Рай, 2026

ISBN 978-5-0055-8579-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Глава 1 Беглецы

Определить пол этого ребёнка было трудно: лицо в пять лет ещё не приобретает чёткие черты. Одежда мальчика, волосы не просто короткие, а очень короткие — сантиметра три. А потому и расчёски не видевшие, похоже, никогда, с момента стрижки. А воды? О шампунях и речи нет.

Как так получилось, что дитя оказалось бездомным?

Впрочем, жизнь такая подлая вещь, что осиротить может любого — какой бы многочисленной родня до этого момента не была. А когда ты остаёшься посреди беды, то родственники любой степени близости как-то скоренько растворяются во времени и пространстве, опасаясь, как бы им не предложили о тебе позаботиться.

Об Але особенно заботиться было некому изначально. Мама её не хотела ни единой минуты — с момента, когда узнала, что забеременела. И дело даже не в том, что она мечтала о великой карьере, и не в том, что «папа» резко отказался становиться отцом (случайная связь с какой-то дамой, оказавшейся в том же ресторане, где гуляли корпоратив, шансов на продолжение не имела), и даже не в возрасте, достаточно юном для будущей матери. Она просто в принципе не хотела детей. Вообще. Ни от кого. И уж тем более — вне брака.

Но с абортom не получилось, бросить в роддоме — тоже, так что Аля была поручена заботам бабушки, которая такому «подарку» не обрадовалась совершенно, поскольку сама ещё была дамой во цвете лет и стремилась обустроить собственную жизнь как можно лучше.

Так трёхлетняя девочка оказалась в детдоме, где её навещали настолько редко, что можно было даже эти посещения не считать. Особенно, если учесть, что личному свиданию с ней уделялось не больше пяти минут. Остальные пятнадцать занимала беседа в руководстве.

Ребёнок, знающий, что он никому не нужен, что его никто не любит, быстро превращается в зверёныша. И Аля, без учёта её критически малого возраста, стала ужасной хулиганкой и хронической беглянкой. Как за ней пристально не следили, она убегала с частотой раз в неделю. И находили её все реже и всё позже.

Александра с первого раза усвоила, какие ошибки она совершает, в результате которых её находят. И впредь их, ни одну, не повторяла.

Она уходила, в чём была, но теперь уже завела тайник с другой одеждой.

Она никогда больше не присоединялась к другим бездомным детям.

Она никогда не просила подаяния.

Она никогда не подходила к людям, что-нибудь евшим на ходу. Обходилась тем, что оставалось на тарелках столиков уличных кафе недоеденным.

Она искала пристанище на ночь там, где его никогда не искали другие: на деревьях, в опустевших на ночь торговых местах, под маленькими мостиками над мелкими ручьями, в давно оставленных без присмотра автомобилях, в считавшихся намертво закрытыми подвалах и подъездах...

С собой у неё всегда был так называемый туристский коврик, на котором она спала. Но она предпочитала, вместо матраса и одеяла, кусок укрывного, для теплиц и грядок, материала — оказалось, что эта тонкая ткань греет едва ли не лучше, чем ватное одеяло, а места занимает очень мало. Первый кусок попался девочке совершенно случайно — когда она бродила в тылах рынка садоводов: она совсем не хотела, чтобы на неё обратили внимание. Позже Аля искала кусок такой ткани совершенно осознанно и нашла — продавцы отрезали его от рулона, поскольку он был запачкан настолько основательно, что чистить его было себе дороже. Аля очень обрадовалась, схватила ткань, нырнула в кусты и обмоталась ею под футболкой. Ей сразу стало теплее — весна, вроде бы, была тёплой, но не настолько, чтобы можно было разгуливать

в майке. А когда она заправила ткань в штаны и застегнула куртку, ей стало совсем тепло и хорошо.

Теперь следовало подумать о еде. Она быстро выяснила, где тут кафе и стала наблюдать за людьми: очень многие что-то оставляли недоеденным и недопитым. Аля же, в свои пять лет, зверским аппетитом не отличалась, так что ей вполне хватало.

Но в этот раз её заметили две женщины, сидевшие за крайним столиком и явно решили угостить. Но на зов Аля не только не откликнулась, а, наоборот, бросилась к забору, у которого были сложены штабеля товаров, а также были дырки и проломы, в которые девочка легко могла просочиться.

— Да не бойся ты! Мы тебе вот тут еду положим.

Алю они не видели, зато она отлично видела их. Они действительно положили свёрток поближе к забору и тут же обе ушли. Але осталось только на мгновение вынырнуть из укрытия, схватить свёрток и убежать. На этом рынке она была впервые (она вообще старалась дважды в одном и том же месте не оказываться), но намётанным глазом сразу же определила, где можно спрятаться и поесть. Причём рядом был небольшой пролом, так что сразу же после этого она была намерена двинуться дальше.

В пакете оказался пончик, хлеб и котлета, бутылочка минералки и яблоко. Первым делом она съела пончик, потом вознамерилась съесть котлету, но замерла, ощутив, что на неё смотрят. Она обернулась и увидела собаку: довольно большую, жёлтую, но тоже явно бездомную. И голодную. Аля даже не задумалась, делиться или нет. Она положила котлету поближе к собаке, а сама отодвинулась, давая понять, что не собирается ловить и пленять. И пёс, видимо, понял, потому что спокойно подошёл и проглотил котлету одним махом.

Оставался только хлеб — вряд ли собака заинтересуется яблоком — поэтому Аля положила, таким же образом, хлеб. Собака проглотила и его.

Аля раздвинула руки — ничего больше нет! И открыла бутылку. Пёс прямо прилёг, жалобно глядя на девочку. Аля оглянулась, нашла крышку от какой-то банки и честно разделила воду на двоих. Собака бросилась к крышке и вылакала воду так быстро, что Аля долила ей из своей доли.

— Ну что, пойдёшь со мной?

Собака была готова идти куда угодно и последовала за Алей в пролом. Поскольку девочка никогда не пользовалась никаким транспортом, то её пути-дорожки всегда были прямыми, вплоть до преодоления заборов и чужих закрытых дворов.

Вскоре они очутились в очень уютном дворике, в который выходило всего три, на разных уровнях, окна — дом тоже был небольшим, старым, всего в четыре этажа, но зато явно высоких. В этом Аля уже разбиралась.

Они прошлись к мусорным бакам — многие люди складывают мясные объедки в отдельные пакеты и оставляют их возле помойки, так что собака вскоре очень хорошо пообедала. Аля же в это время наслаждалась яблоком, сочным и сладким.

Теперь следовало поискать место для ночлега. Опытным взором Аля определила, что в подвал пробраться очень легко. Вскоре они там и оказались: на двери в подвал замок висел, но не был закрыт. И они туда спокойно зашли, решив оценить, годится это место или нет.

Дом был настолько старым, что в его подвале были кладовки. Это порадовало, хотя воровать Аля ничего не собиралась: это верный способ вызвать у жителей тревогу и визиты полиции.

Поскольку беглянкой она была опытной — это был уже восьмой побег — то давным-давно научилась открывать не самые сложные замки и проникать туда, где замки были сложными. Но только для того, чтобы спрятаться и поспать. А потом она уходила — город такой большой, что, когда она во второй раз окажется в этом же месте, о её первом визите обязательно забудут. А она будет помнить, где тут удобно устроиться и как в это место про-

браться. Кроме того, следовало предусмотреть, что в любую минуту сюда могут войти и отыскать укромное место, где её не нашли бы.

И хотя ей было неполных шесть лет, она была достаточно маленькой, чтобы ловко прятаться. Нетрудно было устроиться так, чтобы на неё не обратили внимания: пряталась она умело. Правда, теперь места нужно было больше — там должна была поместиться и собака. Которая могла её выдать, но Аля её предупредила, что сидеть надо тихо и никому на глаза не попадаться.

Кроме того, Аля уже сообразила, что если она попадётся кому-то, то надо называться не так, как её зовут в детдоме. И она решила, что будет — через раз — говорить, что её зовут Сашей или Шурой. Ищут-то Алё! И она ведь даже не соврёт: потому что все эти три имени вполне подходят к имени Александра.

И надо дать имя собаке. Аля на неё долго смотрела и решила, что назвать надо так, чтобы имя было не обычным собачьим, а таким, чтобы знали его только они двое. И она просто добавила букву к своему имени. Так собака стала Калей. И, кажется, оно ей понравилось, поскольку завиляла хвостом и лизнула Алё в руку.

Поскольку Аля никогда не задерживалась на одном месте больше суток, утром они выбрались из подвала никем не замеченные и отправились на поиски завтрака. Уличных кафе к маю уже было много и некоторые завтракавшие сами подзывали девочку с собакой и отдавали им еду и воду. Аля вежливо благодарила и тут же уходила в укромное место. По пути она прихватила пустую использованную мисочку и первым делом налила Кале воды. И тут до неё дошло, что ведь имя не годится: это был пёс.

— Ты будешь Кар. Мог бы и сказать!

Пёс, не отрываясь от воды, двинул ухом, соглашаясь. Но и делая замечание: ты ведь и сама могла заметить.

— Ну, не заметила!

Они поели-попили и пошли дальше. Искать следующее пристанище на ночь было рано, следовало найти место, где они проведут день. И по пути запастись обедом.

Но на подходе к следующему кафе им попался соперник: мальчишка примерно восьми-девяти лет. Учитывая, что Але было посередине между пятью и шестью — он был для неё практически взрослый. Поэтому следовало оценить, насколько он опасен.

Мальчишка, видимо, понял её опасения, потому что сказал:

— Да не бойся ты! Это твоя собака?

Аля кивнула:

— Его зовут Кар.

— А ты откуда?

Она пожала плечами и неопределённо махнула рукой в сторону, откуда они шли.

— Хочешь, дальше будем вместе?

Она задумалась: если он окажется паршивцем, ведь всегда можно убежать — уж что-что, а исчезать Аля научилась в совершенстве. Так что она только пожала плечами: я и не за, но и не против.

— Тогда: я Кир. Ты за едой сюда?

Она кивнула.

— Погоди здесь. — Его голова и плечи исчезли за дверью палатки, хотя вся тыльная часть так и оставалась снаружи. Но мальчишку те, кто был внутри, явно знали.

Через пару минут он вынырнул с большим бумажным пакетом в руке, вторую подал Але и повёл их куда-то во дворы.

— У меня тут лёжка. Никто не знает.

Але понравилось, что они вошли через подвал, но тут же вышли в подъезд и перешли в сторону той самой второй, вечно закрытой двери. Там стоял свёрнутые матрасы, закрытые

несколькими деревянными и картонными коробами, в которых были всякие нужные вещи, вроде одноразовой посуды, бутылок с водой и даже двух коробок с конструкторами.

— Люди столько всего выбрасывают, прямо удивительно! — философски отметил Кир.  
— А захочешь погулять, только скажи.

Аля отрицательно покачала головой:

— Мы с Каром поспали бы. Не то, чтобы мы не выспались, но ведь лучше выспаться впрок, чем потом клевать носом.

— Какие планы на будущее?

Она была ему чрезвычайно признательна за отсутствие вопросов о том, откуда она, где родители и прочая родня, где она жила, почему убежала, нравится ли ей бродить в одиночестве...

— Очень хотелось бы летом пожить в лесу!

— Нет проблем! — бодро ответил мальчик. — У меня есть там одна сторожка, где иногда охотники и грибники останавливаются. Как только потеплеет — отправимся.

Кирилл раскатал один из трёх матрасов — для Али, псу предложил толстую картонку, положенную рядом, сам лёг валетом на тот же матрас: поспать в их положении всегда вовремя.

И они безмятежно уснули, как и положено детям. Спали до темноты — никуда им было не надо, поскольку еду и воду они принесли с собой.

— Если тебе нужно в туалет, — сказал Кир, — то там, в подвале, есть возможность сходить. И даже можно помыться.

— Я была бы рада помыться.

— Так пойдём!

Кир показал Але, где тут туалет — почти такой, как в квартире, где душ, показал ей, где мыло и полотенце.

— Мойся, а мы с Каром посторожим. А то мало ли...

— Что, могут?

— Пока не бывало. Но — на всякий случай...

Через полчаса Кир увидел совсем другую девочку: белокурую, с симпатичным, обещающим стать красивым, личиком, в одной майке и трусишках:

— Я постиралась.

— У меня тут есть запасные штаны. И футболка. А постиранное на трубы отопления положим, за час высохнет.

В штанах Кира Аля утонула — разница в росте между ними была добрых двадцать сантиметров. Но он тут же подпоясал её какой-то толстой верёвкой, штанины подкатал, и оказалось, что если одежда больше — это решаемо. Футболка оказалась размером с большое платье, так что осталось только подогнуть рукава.

— Нормально, — хором решили они.

— Пусть сохнет, а мы пока поедим.

Не столько Аля, сколько пёс радостно принял это предложение.

— Кстати, ты тоже тут не отмечайся. А в туалет ходи, понял?

Пёс явно понял, потому что тут же продемонстрировал умение вести себя, как положено вести себя хорошо воспитанной собаке.

— Молоток!

Ужин затянулся, потому что Кир подробно рассказал о том самом лесном домике: где находится, как он его отыскал, насколько пригоден для проживания, чем питаться в лесу, не страшно ли там, есть ли там дикие звери, ближайшие ягодные поляны, как разбираться в грибах и многое ещё. Так что, когда они вспомнили об Алиной одежде и сходили за ней, оказалось, что она совершенно сухая.

— Тебе самой решать, но мне кажется, что лучше чистое надеть завтра. Я предпочитаю всегда быть чистым — тогда меньше подозрений, что я бездомный. А так, в магазин послали или я просто гуляю.

Аля согласно кивнула: она тоже старательно всегда ухитрялась поддерживать чистоту, потому что сама пришла к таким же выводам. Если ты выглядишь опрятно, то никто внимания не обращает: уверены, что ты живёшь где-то рядом.

Впрочем, на грязнуль прохожие особого внимания тоже не обращают — вроде бы — но как только отойдут немного, начинают звонить в полицию и докладывать, что тут бродит бездомный ребёнок. А кому нужна полиция на хвосте?

— Можно, я спрошу? — Кир произнёс это с совершенно безразличным лицом, вроде не очень-то и хотелось узнавать.

Аля кивнула.

— Тебе сколько лет?

— Полных пять. Шесть будет в октябре.

— А ты насчёт школы думала?

— Да. Когда я дорасту до школы, обязательно пойду учиться.

— Тебя в обычную не возьмут. Документы нужны.

— Я знаю. Я пойду туда, где возьмут.

— Хочешь, я пока тебя буду к школе готовить? Я уже заканчиваю третий класс, мне в августе будет девять.

— Хочу. Я немного умею читать. И считать.

— Тем лучше!

Оказалось, что в одной из коробок у Кира есть книжки — разные: сказки, всякие интересные рассказы о путешествиях и учебники. Для всех младших классов. Понятно, что состояние их было плачевным, но обращался с ними Кир бережно. И у него даже была куча листков, вырванных из разных тетрадей. И полно карандашей и ручек.

— Хочешь, сама читай, хочешь — я тебе прочитаю.

— Хочу, чтобы ты.

— Сказки?

— Я не верю в сказки!

Кир спорить не стал, выбрал книжку о приключениях и начал читать. Учительница ему, скорее всего, влепила бы двойку, но Аля слушала внимательно и была вполне довольна.

Потом они немного поиграли в конструктор, но это обоим быстро надоело и они предпочли поговорить о своих планах. Аля рассказала, что постоянно движется, нигде не оставаясь надолго и удивлена, что у Кира есть постоянное лежбище.

— Ну, я рослый, ты же видишь. — И правда, он смотрелся лет на двенадцать по габаритам. — Я постоянно чистый. Я подрабатываю в той палатке: собираю посуду со столиков, протираю их, таскаю мусор к бакам... А меня за это кормят и покупают одежду. Не новую, но хорошую. Так чего мне и не оставаться на месте?

Аля задумалась: ей не хотелось терять нового друга, но и оставаться на месте она боялась. Впрочем, её никто и не приглашал.

Утром она переоделась в свою одежду, аккуратно расчесалась предложенной Киром расчёской, хотя волосы у неё были короткие: в детдоме её всегда стригли под ноль, чтобы не убежала. «Напугали ежа голой попой» — с внутренней усмешкой думала Аля, «мне потом же и лучше — даже причёсываться не надо»...

— А то оставайся со мной, а? Сестричкой будешь.

Она, с сомнением, пожала плечами: ты уверен?

— Или, если не хочешь, погуляй и возвращайся ночевать. Мне одному всё-таки плохо, — отвернув лицо, сознался парень.

— Я подумаю. Спасибо тебе за всё. Мы пошли. Не обещаю, что вернёмся. И что сегодня. Но я тебя точно не забуду.

Но они с Каром далеко уйти не успели: Кирилл догнал их и сказал, что им нельзя потеряться.

— Ты вернись, пожалуйста, я попробую достать телефон. Даже если ты не захочешь остаться совсем, мы хотя бы будем на связи.

Аля согласилась к вечеру вернуться, а если не получится сегодня, то на следующий день. Чтобы окончательно её убедить, Кир сказал:

— Ты фамилию свою знаешь?

— Конечно.

— Знаешь что, мы могли бы сказать — ну, осенью, в школу-то нужно, что мы брат и сестра. И тогда нас бы поместили в один интернат. И я бы тебя защищал. А фамилию мы можем взять не твою и не мою, а вообще другую. Их вон сколько, фамилий!

— А ты свою знаешь?

— Ещё бы мне её не знать, я же в школе учусь.

— Скажешь?

И тут выяснилось, что они почти однофамильцы. Только у Кира фамилия была Седов, а у Али — Седых.

— Если мы вернёмся в мою школу, то я скажу, что убежал искать потерявшуюся сестрёнку. Но тебе придётся стать Седовой.

— Мне осенью только шесть будет. Не возьмут.

— Возьмут, если ты будешь готова. Будешь уметь читать и писать, и будешь разбираться в цифрах. Я же обещал — подготовлю.

— Я должна подумать. Впереди ещё лето, времени много.

— Хоть за телефоном вернись!

— Вернусь!

Аля, с тех пор, как пришлось думать о себе самой, старалась никаких ни с кем отношений не завязывать. Привыкнешь к кому-нибудь, а потом отвыкай. Она всегда, с трёх лет, знала, что никому не нужна и решила, что и ей никто не нужен. Возраст возрастом, а о будущем за неё никто не подумает.

Читать она умела — люди иногда выбрасывают на помойку совершенно целые книги, пусть и потрёпанные. И она иногда брала с собой книгу, которая ей казалась интересной. Если она ошибалась, то просто опускала её в следующий по пути мусорник. Но если книга оказывалась интересной, Аля её прочитывала до конца.

Так что с чтением проблем не было. Как и с арифметикой: разные учебники ей тоже попадались и она самостоятельно разобралась с азами математики и временами думала, что в школу можно пойти и попозже. Ну, время покажет. Плохо то, что зимой обязательно надо иметь тёплое жильё. То есть сдаваться в детский дом, точнее — сначала в полицию. Или вернуться в тот детдом, где она жила до побега.

С другой стороны, теперь у неё есть объяснение — она искала потерявшегося брата. А если он с ней туда придёт, то...

Нет, лучше уж она пойдёт с ним, в его школу. И поменяет фамилию. Если даже её когда-нибудь вздумают искать, то не найдут. Фамилия у неё будет очень похожа, но другая. Впрочем, она сомневалась, что искать станут. Но на всякий случай. Если они её не хотят, то и она их не хочет.

Аля пока не знала, кем хочет стать, но решила и постановила: она добьётся всего. У неё будет свой красивый дом, много денег, хорошая работа, хорошая одежда, вкусная еда. И обязательно — собака. Впрочем, собака у неё была уже.

Но чтобы всё это иметь, ей надо будет очень хорошо учиться. Так что Кир напрасно беспокоился о том, чтобы её научить читать и писать. Писать она тоже умела: находила и прописи, и тетради с чистыми листами, не до конца использованные ручки и карандаши, и училась писать. И к нынешнему дню вполне могла бы учиться во втором классе. Хотя и не знала об этом.

Собиралась она вернуться к Киру, как он просил? Да, она вернётся. Друг нужен. Только привязываться к нему особо не стоит. А самое главное — осенью придётся куда-то пристроить собаку. А если она этого не сможет, то ни в какую школу с Киром она не пойдёт. Потому что кто же позволит там же жить и собаке? Да никто!

Весна в разгаре, практически лето, сейчас можно устроиться где угодно с полным комфортом. Аля предпочитала находить места у реки — она была чистюля и очень следила за своей внешностью и одеждой. В своём маленьком рюкзаке, тоже найденном на помойке, у неё всегда был кусок мыла, полотенце, расчёска, зеркальце, щётки для одежды и обуви, книжка. Всё это хранилось в отдельном пакете, а еда находилась в другом.

У неё была даже запасная футболка и штаны. На всякий случай. Она стирала достаточно часто, умывалась каждый день, потому что была уверена: об аккуратной девочке никто не подумает, что она беглянка. Возле мусорных баков она бывала редко, только если возникала в чём-то нужда: например, она дочитывала книгу и хотела найти другую.

А теперь надо было обновить обувь и запастись летней. Вдруг кто-то этим, для своих детей, уже озаботился и обнаружил, что их ребёнок из прошлогодней обуви вырос? А ей может эта обувь подойти по размеру. Пока её устраивали и ботинки, в которых она ушла из школы, но становилось всё теплее и зимние ботинки становились жаркими и неудобными. Колготок Аля не носила принципиально: под верхними штанами у неё были спортивные, но так тоже становилось жарко и надо было выбирать: либо спортивные, либо обычные.

Тут Аля подумала, что неплохо бы найти место, в котором можно было бы спрятать вещи, которые сейчас не нужны. Те же зимние ботинки. Но ведь она тоже росла и к зиме вполне может оказаться, что ботинки ей просто-напросто малы. И потом — она постановила никогда на месте не задерживаться: сдадут полиции очень быстро. У неё уже был такой печальный, причём многоразовый, опыт. Поэтому ей так не понравилось, что у Кира лежище постоянное: его тоже обязательно сдадут! Странно, что он столько продержался!

Она запаслась и большими целлофановыми мешками: просто вытрясла из двух мешков то, что в них было, а их, оказавшихся целыми, забрала: на дождь хорошо смотреть из окна, но промокнуть до нитки — удовольствие ещё то. Если не было укрытия, то она просто вбивала один угол мешка в другой и получала плащ-накидку, чтобы до того, как найдётся надёжное, то есть не опасное, укрытие, не промокнуть.

Да, если она оказывалась там, где укрытий не было, то приходилось рисковать. Хотя даже взрослые с зонтами торопились побыстрее зайти в помещения и на девочку, укрывшуюся мешком, особого внимания не обращали. И убегали из-за столиков в кафе, бросая много еды. А их теперь было двое и Але было нужно обеспечивать едой и собаку.

Но сейчас дождя не было, а потому Аля нашла у Москва-реки удобное место: ей надо было сесть и хорошо подумать, что делать. Возвращаться ей не очень хотелось, но потерять Кира, наверное, будет неправильным. Так что она побродит вокруг и вернётся за телефоном. Но потом она продолжит свой путь по городу, стараясь не попадаться никому на глаза дольше, чем будет к тому вынуждать необходимость.

Аля понимала, что в школу идти надо, но как же не хотелось опять оказаться в чьей-то власти и выполнять совершенно идиотские приказания и решения. Но другого выхода нет: от неё отказались те, кто считались ей матерью и бабушкой, а чужим людям она и подавно не нужна.

Она могла бы наведаться к дому, где жила бабушка, но не имела ни малейшего желания видеть её. А ту, что её родила — тем более: они отреклись от неё, а она — от них. И Кир правильно сделал, что не стал у неё ничего спрашивать. Она у него тоже не спрашивала о родных. Если и есть где-то, то почему он тогда бездомный?

Но теперь придётся спросить. И если у него родственники есть и он собирается в будущем с ними встречаться, то ему придётся выбрать: или они, или Аля. Потому что они ведь знают, что никакой сестры у Кира нет. А если бы они её и признали, то у неё-то нет совершенно никакого желания их признавать, как своих. Так она Киру и скажет.

И вечером Аля вернулась: теперь она знала, как поступить.

— Я хотела спросить — у тебя родственники есть?

— Наверное. Только я их не знаю. Зато знаю, что они меня не ищут. Потому что уже давно нашли бы, если бы хотели.

— Ты у меня тоже не спрашивал, но я тебе сама скажу: я знаю, где живёт моя бабушка. А она знает, где мама. Но я их знать не хочу. А если ты своих хочешь знать, то я никакой твоей сестрой стать не могу. Мне родственники — свои или твои — совершенно не нужны. Поэтому выбирай: или они, или я. Если я, то осенью я пойду с тобой в школу. Если мы придумаем, как устроить собаку. Там ведь не разрешат?

— Можно сторожа попросить её подержать.

— Он согласится?

— Спросим.

Кир подумал и сказал:

— Я выбираю тебя. Мне родственники тоже не нужны.

— Понимаешь, если ты скажешь, что я твоя сестра, а потом найдутся родственники, то ведь они сразу объяснят, что у тебя никакой сестры нет. И получится, что мы обманщики. И поэтому я не хочу к тебе привыкать. Не хочу, когда придётся расставаться. А если мы будем учиться в одной школе, то это обязательно случится. Я не хочу ни к кому из людей привыкать. У меня собака есть. И мне ещё целый год до школы. И да, я умею и читать, и писать, и считать. Я всё время читаю.

— Всё равно тебе потом придётся пойти в школу: если ты хочешь иметь хорошую работу, то без документов ты её не получишь.

— Это я понимаю. Но ведь у меня есть время. И, кстати, ты когда собираешься в тот лесной домик?

— Как только насобираю достаточно денег, чтобы запастись едой. Ягоды и грибы — хорошо, там ещё и рыба в ручье есть, но без хлеба плохо. А ещё нужна будет тележка, чтобы всё увезти. И ещё нужно какое-нибудь одеяло: ночью даже летом бывает холодно. А ещё нужна плёнка, затянуть окна: комары там знаешь какие — как лошади и зубы у них такие же.

— У комаров нет зубов.

— Неважно, кусаются они будь здоров!

— А если туда придут?

— А мы за это время себе шалаш построим. Нам домик понадобится только на первое время. Но опять же — нужен нож, пила, топорик, много скотча, плёнка. И упаковки быстрой еды. Плюс кастрюля, сковородка и чайник. Но кое-что я там ещё с прошлого года запрятал. Вот только полагаться на это никак нельзя: могли найти — если не звери испортили, то люди. И тогда все мои тайники пустые. Так что нужно всё заново привозить. И тогда мы бы смогли в город до самой осени не возвращаться.

— Это же куча вещей! Ты думаешь, никто не заинтересуется, кто ты такой и откуда у тебя всё это? Особенно если ты будешь с тележкой! И вообще — ты как собираешься туда добраться? На чём?

— Так я же работаю! У меня будут деньги. Мы купим билеты и спокойно сядем на автобус. И доедем до той деревни, откуда там близко. А пока я вещи у себя в норке, в подвале подержу. Важно собрать. Если, конечно, ты со мной поедешь. Тогда надо сесть и посчитать, сколько нам чего нужно.

— Если я тоже поеду, то нужно ещё мыло — обычное и стиральное. Не люблю быть грязной. Даже в лесу. Хотя я там ещё никогда не была. И обувь нужна летняя — кроссовки и сандалии.

— Так и я об этом. Что-то возьмём в рюкзаки, а остальное в тележку. А я потихоньку буду покупать то, что нужно.

Они обсудили список и договорились, что Аля походит по помойкам и посмотрит, нет ли там нужных вещей. Она маленькая, на неё особого внимания не обращают. А с собакой ей не страшно. Аля не стала добавлять, что и без собаки ей было не страшно.

— Кстати, нас не пустят в автобус, если у собаки не будет намордника. Его тоже смотри. А не будет, мы его из верёвки сплетём.

Але пришлось остаться у Кирилла. Они вместе составили список того, что им понадобится и назавтра Аля начала кружить по городу, отыскивая всё необходимое. Кир дал ей ножницы, чтобы она отрезала лишние куски от плёнки и других вещей, которые могут понадобиться. Свои вещи она оставила у него, а в рюкзачок положила большой пакет, чтобы туда складывать найденное. Ей понадобилось две недели, чтобы из списка собрать почти всё: люди выбрасывают абсолютно целые вещи и даже не предполагают, что для кого-то это просто подарок. Так что теперь у них было много больших кусков плёнки, укрывочного материала, пара одеял, одежда и обувь. И даже намордник с поводком Аля нашла.

Тем временем настал июнь. Было уже совсем тепло, в некоторые дни даже очень жарко. Но Кир, тем не менее, был уверен, что куртки в лесу всё-таки понадобятся. И он уже договорился с хозяином палатки, что их с Алей отвезут до автобусной станции и даже помогут сесть в автобус: мол, к бабушке дети едут. Чтобы не было вопросов.

И в начале июня они благополучно разместились в автобусе и отправились в деревню, в которой, якобы, жила их бабушка. Хотя никакой бабушки, конечно же, не было. Зато хозяин, помимо денег, дал им с собой несколько банок консервов и сгущённого молока. И велел приметить, где магазин и ходить туда за продуктами.

Ехали долго, больше трёх часов. Но поскольку автобус отправился довольно рано, то приехали они как раз в полдень. И Кир попросил водителя остановиться там, где прямо у дороге был довольно большой продуктовый возле автозаправки. И они купили несколько буханок хлеба.

До домика было довольно далеко, но, оказывается, в лесу полно тропинок, по которым их тележка спокойно ехала. Всё равно они несколько раз останавливались отдохнуть: Аля в лесу почему-то быстро уставала. А по городу могла весь день идти, лишь изредка устраиваясь на отдых.

Кто действительно был рад свободе, так это собака. Она поначалу носилась большими кругами, громко лаяла, испугнула нескольких птиц, но через время успокоилась и деловито бежала впереди Али.

Домик оказался очень славным, но к нему со всех сторон вели тропинки. И Аля настояла, чтобы они сразу же начали строить шалаш. Причём нашла такую укрытую густыми кустами полянку, что там их найти не должны были никогда. Проход туда был только один, шалаш построили быстро, тем более, что кустов и деревьев вокруг было очень много. И не было никаких ягодников, а грибы в кустах растут редко. Поэтому можно было не опасаться, что сюда кто-нибудь забредёт. И не было вокруг никаких нор и гнёзд: они не хотели никого лишать дома. Поэтому полянку выбрали очень тщательно.

Оказалось, что у Кира даже есть небольшая лопатка. Не игрушечная, а походная армейская.

— И где ты её нашёл?

— Я её купил. Точнее, не я, а Артур, хозяин кафе. Мне бы такую и не продали, наверное. Это его подарок.

Поэтому они довольно глубоко вкопали колья шалаша и были уверены, что он держится крепко. И укрыли шалаш со всех сторон сначала целлофаном, скрепив его смолой, а сверху лапником. На пол набросали толстый слой травы, застлали его укрыточным материалом, которого Аля насобираала около десяти больших кусков, и из него же сделали что-то вроде одеял.

— Он очень хорошо греет! — у неё был достаточно большой опыт, чтобы так утверждать.

— Да я не сомневаюсь. Жаль, что в прошлое лето мне пришлось обходиться без него.

Посреди полянки Кир снял квадрат дёрна, в яму наложил камней, а уже на них развёл костёр. Но перед этим установил две рогулины с перекладиной и повесил сразу и котелок, и чайник. Вскоре они смогли похлебать супа с макаронами и напиться чаю.

— Послушай, тут ведь должны какие-то звери жить? Они на нас не нападут?

— Не думаю. У них сейчас уже полно еды, зачем им идти к людям, у которых костёр?

— Но он же не может гореть всю ночь!

— Почему это? Я найду и привезу несколько поленьев — у нас же есть тележка. Кроме того, мы можем вокруг шалаша ещё построить земляную стену. И теплее будет.

— Это не поможет, — мудро решила Аля, — если кто-то захочет напасть, то земля ему не помешает.

— Мы ещё можем устроить себе домик на дереве.

— Так медведи же по деревьям лазают.

— А волки нет. И вообще — я уже третье лето тут живу и никто на меня не нападал. А теперь у нас есть собака.

— Ты пойми, я раньше никогда в лесу не была. И хотя я вроде бы не трусиха, поначалу всё-таки тревожно.

— Не бойся, всё будет хорошо.

Но видя, что Але всё-таки несколько беспокойно, решил отвлечь её от тревожных мыслей:

— А пошли рыбу ловить?

— Лучше искупаться и постираться.

— Давай!

Ручей был буквально в десяти метрах от поляны с шалашом: шириной в метр и такой же глубины. Аля попросила Кира отойти в одну сторону, а сама пошла в другую.

— Я хочу помыться!

— Хочешь, плавать научу?

— Потом, ещё холодно.

Она предусмотрительно прихватила мыло и смену одежды. Раздевшись, она вошла в воду, ещё довольно холодную, но тщательно вымылась, вытерлась, оделась в чистое, а то, в чём была и полотенце старательно постирала. Потом вернулась, позвала Кира и когда он вернулся, развесила всё на кусты — сохнуть.

— Теперь можно и рыбу половить.

— Помыться не хочешь?

— Я потом. А то вся рыба разбежится. Если только уже не разбежалась. Сейчас проверим!

Рыба была и довольно скоро Кир выловил пять штук рыбин среднего размера. Казалось бы — хватит, но он упорно ловил, пока не поймал ещё две — гораздо больше!

— Вот теперь хорошо!

Тут же он вытащил из рыбин потроха, обмазал их, прямо с чешуёй, глиной, подкормил костерок на поляне, и как только дрова прогорели, положил рыбины на угли, углями же сверху их прикрыв.

— Теперь и помыться можно.

Он поднялся чуть выше по течению и скрылся за кустами. Но плеск Аля слышала довольно долго.

Рыба, запечённая в глине, оказалась неопишимо вкусной. Но Аля честно поделилась ею с Каром — это ведь друг! Плюс ему достались головы и прочие кости с хребтами.

— А завтра я на охоту схожу.

Аля прямо-таки вытаращилась на Кирилла:

— На какую охоту?!!

— Какого-нибудь зайца поймаю или куропатку — не на одних же макаронах нам всё лето жить! Картошки тут нет, остались гречка и пшено. А они куда вкуснее с мясом, сама понимаешь!

— И как ты его поймаешь?

— Силки поставлю: я умею!

Зайца было ужасно жаль и Аля про себя помечтала, чтобы никакого зайца Кир не поймал. Чтобы отвлечь его от этих кровавых планов, она, заранее попросив прощения и заверив его, что можно не отвечать, спросила, всегда ли он был в той же школе, что и теперь.

— Нет, я раньше был в детдоме. Причём не в Москве, а в другой даже области, в рай-центре.

— Сбежал?

— А то! Стали меня постоянно всяким усыновителям показывать. И никто не спросил, хочу ли я, чтобы меня усыновляли.

— И как тебе это удалось?

— Легко! Поскольку я раньше не сбегал, то за мной так не следили, как за теми, кто сбегал. А я с ними ведь поговорил и понял, как их ловили каждый раз. И понял, чего ни в коем случае делать нельзя.

— И чего?

— К людям нельзя соваться, вот чего! И документы свои в детдоме оставлять — тоже. Так что я разведал, где лежат запасные ключи от кабинета директора и первым делом забрал свои документы. Перед этим запрятал в кустах возле пролома в заборе рюкзак с самым необходимым. А когда выбрался за забор, пошёл не на трассу проситься к водителям, а на товарную станцию и залез в товарный вагон. Я тогда был маленький, как ты сейчас, так что пролез легко и устроился удобно. А когда стали подъезжать — это я понял, потому что я сел на поезд ночью, а был уже полдень — я выбрал место и спрыгнул.

— Как выбрал?

— Во-первых, кругом был лес, а последнюю попутную деревню мы оставили далеко позади. Во-вторых, нужно было, чтобы поезд хотя бы притормозил — охота была кости ломать! В-третьих, чтобы хотя бы один ручей был. Вот когда всё это сошлось, я и спрыгнул. И прожил в лесу целое лето. Как раз тогда и домик нашёл. И если сейчас у нас есть всё, включая хлеб, то тогда не было ничего. Так что я жил только охотой и рыбалкой. И жил без хлеба. Кроме того, что получилось из пакета муки, который я в домике нашёл.

— А потом?

— Совсем уже осенью, когда ночи стали холодными, я пошёл к станции и снова залез в товарняк. И поехал в ту же сторону.

— В какую?

— В какую поехал сначала. И оказался в Москве.

— И?

— И сам сдался полиции. Но документов им не показал: я их тут, в лесу спрятал. Просто сказал, как меня зовут.

— То есть ты не Седов?

— Нет. Я в документах Серов. Но мне это ни к чему — чтобы искали и нашли. Тем более — родственники.

Але очень хотелось спросить, знает ли Кирилл что-нибудь о них, но она не стала: сам скажет, если захочет. Но он не захотел:

— Я о них помнить не хочу. Они меня совершенно добровольно в детдом сдали. И не навещали. Так что мы с тобой в одинаковом положении.

— А дальше?

— Дальше я им, то есть полиции, сказал свой день рождения и возраст. Но соврал, сказал, что больше, чем на деле. Так что по первым документам мне девять, а по этим я ровно на год старше. Мне одиннадцать, но я выгляжу на все двенадцать: я крепкий.

— Но ведь они спросили, откуда ты?

— Сказал, что не знаю. А если и знаю, не скажу.

— Проглотили?

— Так я ведь не сопротивлялся в школу идти. Но то, что у меня родственников никаких нет, они проверили.

— Как?

— По фамилии, конечно. И у Седова их не оказалось.

— Тогда изменить фамилии нужно обязательно.

— Естественно!

Но до осени, когда предстояло сдаваться в школу, было ещё целое лето. А пока можно было с чистой совестью забыть обо всех взрослых и их школах. И обо всём прочем, что они для таких, как Александра и Кирилл, приготовили. А когда придётся вспомнить, тогда и вспомнят.

Слово своё Кирилл сдержал: поймал несколько диких курочек, причём выпотрошил и ощипал их до того, как принёс к костру. Так что осталось только их запечь над костром. Что он умело и проделал.

Почти каждый день они также отправлялись на сбор грибов — пока их было мало, но были, причём Кирилл здорово в них разбирался. Как и в растениях: он знал, где растёт дикий щавель и другие вкусные травы. А ещё они набрали свежих листьев с кустов малины, брусники, черники, ежевики, земляники — чай из них были неописуемо вкусные!

— Жаль, молока нет, — как-то раз обронила Аля.

— А ты сильно любишь молоко?

— Просто обожаю! Только где его тут взять?

Кирилл только плечами пожал: негде, мол. А через время сказал, что у него тут дела, но он скоро вернётся.

— Возьми меня с собой!

— Так с тобой же пёс остаётся! Да я скоро!

И больше не слушая возражений Али, во мгновение ока исчез в зарослях. Вернулся примерно через два часа — с большой, трёхлитровой банкой молока.

Аля ахнула:

— Откуда?!?

— Места надо знать!

Кирилл деловито откупорил банку, налил Але в кружку молока и с лёгкой усмешкой наблюдал благоговейный восторг, с которым она пила.

— Ещё налить?

Она только кивнула: молоко Аля считала лучшим из напитков на планете. Из второй кружки она отлила собаке — в большой лист лопуха, который отлично притворился тарелкой. А сама допила остаток.

— Ещё?

— Нет. На потом оставь.

— Тогда я банку в речку поставлю — чтобы не скисло.

— А никто не унесёт?

— Я спрячу. Хотя — кому тут уносить!

Кирилл зарыл банку в песок дна ручья под кустом — найти можно только, если точно знаешь, где искать.

— Так где ты взял молоко?

— Тут же деревня близко. А это значит, что рядом пасётся деревенское стадо. Я набрал грибов и обменял их у пастуха на молоко.

Аля посмотрела на Кира, как на умного героя. Кир даже застеснялся:

— Да ладно, чего ты!

— Спасибо!

Молока хватило на три дня, а потом Кирилл снова сходил к пастуху. И вдобавок принёс буханку чёрного хлеба и батон белого: ещё в тот раз договорился, чтобы пастух приносил ему ещё и хлеба. Но грибов, конечно, пришлось набрать больше.

Теперь у них проблем с едой не было никаких: рыба ловилась отлично, время от времени Кир выходил на охоту, так что они были сыты, как редко бывали сыты в городе. И даже в детдоме: тамошняя еда, пусть и по калориям соответствовала, часто просто не лезла в горло.

На большом, раскидистом дубе они вдвоём построили большой домик: достаточно высоко, чтобы его не увидели посторонние, если они специально не будут смотреть вверх. Из-за опасений, что на них всё-таки могут набрести медведи, которые по деревьям лазают отлично, на нижнем ряду ветвей они устроили плетёную ограду. Конечно, медведи сильны, но чтобы разрушить эту ограду, они должны сообразить, что это такое. Дети надеялись, что не сообразят и не доберутся до них.

В домик было поднято всё — от одежды до еды. Так что шалаш остался совершенно пустым. Даже если бы на полянку кто-то забрёл бы, то обнаружил бы именно совершенно пустой шалаш и кострище, которое каждый раз заливали водой — не дай бог, лес вспыхнет. Пожара они боялись, а потому, пока костёр горел, его без присмотра не оставляли. А потом заливали водой, на всякий случай.

Погоды стояли великолепные, вода в ручье прогрелась, но Кирилл, дополнительно, сделал небольшую запруду, чтобы Аля научилась плавать. Она эту не очень хитрую науку усвоила быстро и вскоре плавала уже без поддержки и подсказок. Но пока только в запруде, где вода практически стояла на месте — хотя был вток и выток, чтобы она всё-таки не застаивалась. И когда Аля почувствовала, что уверена в собственных силах, они решили попробовать, как она справится в проточной воде.

— Тут кое-где течение очень быстрое, — предупредил Кирилл. — Хорошо, что омутов нет — ручей слишком мелкий. Но лучше всё-таки для начала выбрать плёс — там не так опасно.

Аля справилась — немного ниже по течению ширина ручья стала заметно больше и сам он стал глубже. Но Кирилл всё-таки одну Алю в воде не оставлял: мало ли что. Не только потому, что могла устать, но и потому, что уже начинали попадаться места настолько глубокие, что ей, при её мелком росте, было выше вытянутых вверх рук. Кирилл же был ростом сантиметров на почти двадцать сантиметров больше, куда сильнее и храбрее. Хотя Аля тоже трусихой не была.

Лето промчалось так стремительно, что уже и август был на исходе и было понятно, что пора не просто возвращаться в город, но и идти сдаваться в школу.

— Я буду помнить это лето, — грустно сказала Аля.

— Правильно! До следующего лета — помни. А потом мы сюда вернёмся! Это ведь недолго — до следующего мая.

Аля молча кивнула, но знала, что четыре четверти учебного года — это очень долго!

— А ещё нам надо устроить Кара. Если не удастся, я в школу не пойду.

— Устроим! Дядя Вася хороший!

Но хорошеньсть дядя Васи оказалась специфичной:

— Или купите ему корм, или это будет мой пёс.

Легко сказать — купите. Ещё оставлять ему всё мясо из своей еды — куда ни шло. Но купить корма на столько месяцев — откуда у ребят такие деньги? Расставаться с Каром Аля категорически не могла.

Они пошли к Артуру, хозяину палатки, в которой подрабатывал Кирилл и рассказали ему о своей проблеме.

— Да нет никакой проблемы, — ответил хозяин. — Пёс побудет у нашего сторожа: мы держим человека, который охраняет наши палатки. И с собакой ему будет даже лучше. Прокормим, не волнуйтесь!

— Но летом мы снова уедем в деревню и Кар должен остаться моим псом. Или я не пойду в школу.

Хозяин внимательно посмотрел на Александру: Господи — оно от горшка два вершка, лет ей чуть больше, чем цыплёнку и уже такая суровая.

— В школу идти надо, — спокойно ответил хозяин. — Учиться нужно обязательно. А Кар твоим останется — будешь навещать его, когда сможешь. Или я с ним буду вас навещать, если вас не будут отпускать. И запомни: я даю тебе честное слово, что всё будет хорошо!

И он протянул Але руку:

— Вот моя рука: как подтверждение.

Аля вложила свою миниатюрную кисть в его руку и хозяин эту кисть осторожно пожал.

— Телефон мой у тебя, Кирилл, есть, буду звонить. И ты звони, если что. — И спросил:

— Вас проводить до школы?

— Мы сами.

— Тогда вот вам немножко денег — съешьте мороженого по дороге. И позвони мне, когда устроитесь.

Их взяли, конечно. Потому что Кирилл тут уже учился и спокойно ответил, что ушёл искать потерявшуюся сестричку. Вот, нашёл и привёл.

— И где же ты её нашёл?

— Где нашёл, там уже нет. Теперь она со мной будет. Если не примете, я в другую школу пойду.

Повздыхали, но приняли. Правда, устроили Але суровый экзамен, который она выдержала так блестяще, что её приняли сразу во второй класс. Чему сама Аля ужасно удивилась: а ничего, что ей только через два месяца будет шесть лет?

— Мы не на возраст смотрим, а на знания.

Директор устроила Алю, убедилась, что Кирилла одноклассники встретили хорошо, и вернулась в кабинет — вздыхать над фактом полного отсутствия документов у новой ученицы. Придётся ей их создавать, никуда не денешься. Дело привычное — таких детей у неё был каждый второй.

Тут директор, Дарья Павловна Смышляева, вспомнила Алино условие — никогда никому её не представлять для удочерения — и грустно улыбнулась: это как же родственники должны были с ребёнком обращаться, чтобы вызвать такое отторжение? И она не собиралась этих родственников разыскивать. Ей, конечно, в голову не пришло, что дети назвали не реальную свою фамилию и, тем более, что они вовсе не брат и сестра, но что оба резко восстают против

розыска родственников — факт. И второй — оба резко против того, чтобы им нашли новую семью. Не хотят они семью — ни старую, ни новую. Придётся разобраться в причинах. Если, конечно, они кого-нибудь в свои тайны пустят. На что надежды не было пока никакой.

Алю приняли настороженно: с какой такой стати она вдруг принята сразу во второй класс? Больно умная? Такое отношение грозило ей крупными неприятностями. Если бы она сразу не заявила, что отказалась показываться потенциальным родителям — ей не нужна семья и что учиться она будет хорошо, потому что надеяться ей не на кого. И она не хочет ни на кого надеяться никогда в жизни.

— А брат?

— Он такой же. И нам никто больше не нужен. А когда мы вырастем и уйдём отсюда, мы хотим сами заработать всё. И оно будет только нашим. Его и моим.

— То есть будете жить вдвоём?

— Нет. У него будет свой дом, у меня свой.

— Думаешь — получится?

— Непременно.

А ещё Аля сказала, что никогда не стучит, не жалуется, сама всё умеет — а чего не умеет, обязательно научиться — чтобы ни от кого не зависеть.

— Ты же маленькая, как ты можешь не зависеть?

— Я вырасту.

И на этом все разговоры о личном прекратила. Дальше — только по делу. Причём сама ни к кому с разговорами не лезла, но всегда доброжелательно отвечала на вопросы, обращённые к ней.

Они поступили в школу 31 августа, так что буквально со следующего дня начались занятия. Аля на уроках была внимательна, как мало кто, сразу же делала домашние задания, а потом или читала книги из библиотеки или занималась каким-нибудь рукоделием. И не только тем, что преподавали на уроках труда, но и тем, что было во взятых из библиотеки книгах по рукоделию. Она намеревалась научиться всему, чему можно научиться, имея в руках только иглолку или вязальный крючок.

Но и готовить вкусную еду тоже надо было научиться. Понятно, что на уроках труда её всему не научат, тем более, что она никогда не тянула руку, но когда её вызывали, спокойно выходила и делала всё, что велено. А поскольку она хотела всё уметь, то неизменно была в рядах отличниц.

Впрочем, любые попытки поручить ей какие-либо общественные нагрузки натывались на молчание. Даже не строптивное — равнодушное.

— Почему ты не хочешь?

— Мне это потом не пригодится.

— Откуда ты можешь знать — пригодится или нет?

Она молчала в ответ: разве эти тупые взрослые способны со вниманием выслушать и постараться понять? Да никогда!

Её оставили в покое, тем более, что она постоянно была чем-то полезным занята: читала, вышивала на лоскутках, вязала. Подружек, из тех, что называют закадычными, у неё не было — Аля со всеми была одинаково ровно приветлива.

Самым главным было — дожить до конца мая, когда они снова смогут уехать на свою полянку. А пока можно вспоминать лето. Каждый день, прожитый там, подробно вспоминать и забывать о месте, где находишься. А когда вспоминать не получается, нужно делать всё, что можно делать — учиться всему, чему её могут здесь научить.

Ещё Аля ждала воскресения — их с Кириллом отпускали в город, на чём они настояли, твёрдо заявив, что если их не будут отпускать, они просто сбегут. Не на прогулку, а совсем. И заявлено это было так спокойно и твёрдо, что в их словах не усомнились.

— А если отпустим?

— Мы вернёмся к ужину, — хором сказали оба.

Дарья Павловна поняла, что эти юные создания не шутят и дала позволение каждое воскресенье — сразу после обеда на несколько часов отпускать их в город. С непременным требованием явиться за полчаса до ужина, который был в семь вечера.

Первый раз Смышляева страшно переживала, то и дело бросая взгляд на часы. Они пришли. Без двадцати семь. И в это же время приходили всегда. Где они бывают? В какой-то момент директриса даже послала за ними человека — проследить. Но они просто растворились в пространстве уже на следующей улице и отыскать их не удалось. Естественно, растворились: они всегда ходили прямыми путями, через дворы, заборы и прочие лазы. О чём взрослый человек догадался, но и только: ему самому этот путь был просто недоступен.

Но они всегда возвращались — за полчаса до ужина. Потом все к этому привыкли и перестали сходить с ума от волнений. Но зато другие воспитанники потребовали, чтобы их тоже отпускали. Поскольку почти ни у кого не было родных, то дирекции пришлось организовать общие поездки — в цирк, театр, парки, выставки и вообще во все места, которые можно посещать группой. Дети были просто в восторге.

Однажды Аля — у них с Кириллом была привычка встречаться и вспоминать лето, а также мечтать о следующем — задумчиво сказала:

— Жаль, что мы сразу не договорились, чтобы нас отпустили на лето. Ведь придётся сбежать!

— Не придётся! За школьный год они убедятся, что мы всегда возвращаемся. Я попрошу Артура, чтобы он за нас поручился. И наврал, что у него бабушка в деревне, у которой мы будем гостить каждое лето.

— А если они захотят проверить? Ведь нет никакой бабушки!

— Придётся найти. Артур с кем-нибудь договорится. Почему ему и не иметь бы бабушки в деревне?

— А мы здесь каким боком?

— А мы с Артуром друзья.

Выслушав просьбу, Артур даже обрадовался:

— А я тут голову ломал, как вам помочь. Найти бабушку — замечательная идея! Прямо завтра с утра и поеду!

Найти бабушку было нужно такую, чтобы дом был в некотором отдалении от соседей — они, как известно, обожают совать нос в чужие дела — и чтобы согласилась именоваться бабушкой Артура. То есть чтобы у неё были сын или дочь, которые сто лет её не навещали.

Такая нашлась — Анфиса Фёдоровна. Был у неё сын, да забыл о матери напрочь — она так давно его не видела, что уже и представить не могла, как он теперь выглядит. Лет двадцать, поди, не навещал, так что появился он внезапно во дворе — вполне возможно, что мать его и не признала бы. И Артур договорился, если кто спросит, отвечать, что он приехал по просьбе сына узнать, не примет ли она на лето его двух усыновлённых детей. Понятно, что Анфиса Фёдоровна была в курсе, что это за дети и зачем нужно объяснять, каким боком она им бабушка. За очень скромную, просто-таки мизерную — для Артура и огромную — для бабушки сумму она согласилась.

— Так у меня хоть кто-то будет. А то я всё одна да одна.

Артур на это ничего не ответил: найти бы этого свинтуса да начистить ему рыло! И он собирался это сделать!

Самое главное, чтобы, если кто вздумает проверить сейчас, куда действительно поехали Кирилл и Александра, всё было подтверждено. А в том, что Анфиса Фёдоровна это сделает, он не сомневался.

Поскольку учебный год заканчивался, Кир и Аля пошли к директору с просьбой отпустить их на лето к бабушке друга. Артур тщательно и подробно им всё расписал: фамилию, дом, живность и прочие детали. Они всё запомнили и стояли перед директрисой в полной уверенности, что их отпустят. Тем более, что бабушка согласна их принять.

— Можете проверить! Адрес дать?

— Адрес дать в любом случае. А вы вернётесь?

— Если бы мы хотели не возвращаться, мы бы просто ушли.

— Убежали?

— Нам пришлось бы.

— Но вы могли бы поехать со всеми в лагерь.

Кирилл внимательно посмотрел на Смышляеву и решил всё растолковать, коли она сама не понимает.

— Мы не хотим в лагерь. Потому что мы хотим отдохнуть, а не продолжать жить в детском доме, только без занятий. У нас есть, где отдохнуть, есть у кого. Мы там уже были прошлым летом. Нам нужна тишина и отсутствие большого количества людей, понимаете? Не всем нравится постоянно быть среди толпы. Нам не нравится.

А так мы отдохнём и вернёмся к началу занятий.

— Но я за вас отвечаю!!!

— За нас поручится мой друг. Это его бабушка. А он наш друг. Уже три года друг. И всегда будет.

— Это нужно официально оформить.

— Нужно — оформим.

Смышляева думала: это сделать можно, если друг детей согласится стать их временным опекуном. На лето.

— Ваш друг согласится всё оформить как полагается?

— Согласится. Когда ему нужно прийти?

— Завтра он сможет?

— Я ему позвоню. И скажу, когда сможет.

— Хорошо. А теперь идите.

Как только они нашли достаточно уединённое место, где их не могли услышать посторонние, Кирилл позвонил хозяину палатки и объяснил ситуацию. Артур согласился сразу же. И когда Кирилл стал объяснять, что им с Алей нужно побыть в тишине, то перебил и сказал:

— Это лишнее. Я всё понимаю. Я смогу завтра около пяти вечера. Раньше никак. А если не получится — дела, сам понимаешь, то перезвоню и уточню время. Если не завтра, то на следующий день с утра.

— Зачем вам это нужно? — спросила у Артура Смышляева. — Зачем вам брать на себя ответственность за две жизни?

— Они мне доверились. У них ведь больше никого нет. Кроме меня.

— У них где-то есть семья.

— Они резко против, чтобы родственники их нашли. Вас это ни на какие выводы не наталкивает?

Дарья Павловна только плечами пожала: естественно, наталкивает. Но ведь это ненормально — чтобы дети не хотели в семью.

— А они вот не хотят. И у них явно есть основания.

— Да, они мне выставили такое условие, когда пришли поступать.

— Поступать? В разговоре со мной они употребили другое слово. Совсем другое! «Сдаваться» ведь не синоним слову «поступать», а?

С этим спорить не приходилось.

Кир и Аля были слишком маленькими, чтобы знать и, тем более, ощутить на себе жуткую правдивость присказки «без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек». Но это чётко осознавали взрослые, выправившие необходимые бумаги, давшие детям возможность провести лето там и так, где и как им было необходимо.

Есть легенда, что обо всех осиротевших детях беспокоится лично Богородица. Видимо, так и было, раз всё получилось и Артур отвёз их сначала к «бабушке» Анфисе Фёдоровне, обеспечив её и их продуктами на ближайшие месяцы. А на остальное оставил бабушке денег.

— Вы, братцы кролики, если вдруг занепогодит, в лесу не сидите, приходите сюда, поживите в доме. А как только снова настанет вёдро, вернётесь. Мало ли — простудитесь или ещё что. А так бабушка вам поможет. Да и я буду спокойнее, если буду уверен, что с вами всё в порядке.

— Да что с нами случится! Не впервой!

— А всё-таки звони, если что. Эх, жаль, в лесу негде телефон зарядить! А давай я на ближайшей автозаправке договорюсь, чтобы они давали тебе возможность зарядить?

— Дядя Артур, ты что, хочешь, чтобы нас не просто запомнили, а начали нам досаждать? Вы, взрослые, такие странные — всё вам кажется, что без вас и каша не сварится! Если будет надо позвонить, я сюда вернусь и позвоню. У бабушки-то телефон есть? Есть. Ну и нечего панику наводить.

А и то! Ведь прошлые годы никакой связи не было вообще. И ничего — выжили. Но тогда их дружба не была такой глубокой, настоящей, крепкой. Тогда они были просто знакомые.

Но теперь с Кириллом ещё девочка.

— И что? Она прошлое лето со мной там провела — без всяких телефонов и бабушек. И ничего! Всё было нормально!

Артур вздохнул и смирился.

И всё бы шло своим ходом, если бы вдруг к Смышляевой не прибыл запрос о наличии среди её учеников шестилетней Александры Седых. И директор честно ответила, что есть Александра Седова и её брат Кирилл Седов. Именно последнее обстоятельство и прекратило повторные запросы: никаких братьев у Али Седых не было сроду.

С какой стати вдруг стали Алю разыскивать её родственники? Всё просто: наличие ребёнка оказалось очень выгодным в плане получения разных выплат и завидных льгот. Но не только поэтому.

Неудавшейся мамаше, в постель которой мужики прыгали весьма активно, но ни один почему-то, выпрыгнув наутро, не возвращался обратно, стало понятно, что, не говоря уж о большем, разовой постелью всё так и будет заканчиваться.

Несостоявшейся бабушке Али тоже почему-то не удалось устроить свою личную жизнь, а старость — вот она, всё ближе подбирается, да старуху в чёрном и с косой к себе подманивает...

А тут ещё сны нехорошие стали обоим сниться. Кошмары были такими яркими и жуткими, что обе, сами не понимая причины, договорились, впервые за последние полтора года, о встрече. И прямо с этой встречи поехали в детдом, где жила Аля.

Но её там не оказалось.

— Сбежала, года два назад, если не больше. И её так и не нашли. Если она всё ещё жива — что очень сомнительно — то, скорее всего, к какой-нибудь банде бездомных подростков прибилась. Но это — если жива.

— А почему бы ей и не быть живой?

Директор детдома посмотрел на обеих тяжёлых взглядом:

— С родственниками ей сильно повезло, как я погляжу. И с чего это вдруг вы появились? Вас тут года три уже не было, а?

— Захотели и появились!

Директор хмыкнул.

— Нужна она вам — ищите сами. Полиция уже искала — после побега. Не нашла. И теперь уж вряд ли найдёт. Так что — до свидания.

— А личное её дело где?

— В полиции, где же ещё!

— Но к нам никто не обращался.

— Значит, смысла не было!

Первые дни после того, как все оказались у «бабушки» Анфисы Фёдоровны, Артур предложил помочь с огородом. Буквально в течение получаса договорился с соседом, у которого была лошадь и к концу дня большую часть огорода, которую бабушка обычно вскапывала примерно к концу июня, не только вспахали, но и полностью подготовили к посадке растений.

Потом Артур сходил в сельпо и обнаружил там «чудо века»: трёхколёсный велосипед для взрослых — с большой, позади, корзиной, для груза. Вернулся он, естественно, не пустым, а с кучей всяких нужных вещей — от запаса консервов для ребят до разных сельхозорудий, которыми заменил те, что просились в металлолом.

— Вы не против, если мы с бабушкой посмотрим на то место, где вы отдыхаете? Чтобы время от времени подвозить вам провиант?

Так и получилось, что, загруженный выше седла, большой велосипед отправился первым. А за ним, на втором, обычном, ехала бабушка, везя ребят в уникальном лёгком прицепе.

— С такими удобствами мы добираемся впервые!

— Но не в последний раз!

Эти удобства ребятам должны бы нравиться, но не нравились: теперь их поляна будет таким же проходным местом, как площадь трёх вокзалов! Кир и Аля отлично относились к Артуру, но он буквально на глазах превращался из нормального (в их видении) человека в точно такого, как любой из работников детдома!!! И даже этого не понимает! И ещё совершенно посторонняя бабушка, которая им даже с приплатой не нужна на их поляне! Свою роль сыграла и могла бы жить себе-поживать, как до встречи с ними. Но нет! Теперь от её надзора спасения не жди!

Кир и Аля терпеливо дождались, пока взрослые всё выгрузят, обустроят так, как им казалось удобным и нехотя попрощаются.

— Я буду приезжать! — сказала бабушка.

— Не надо! — твёрдо в один голос ответили оба.

— Тогда вы приезжайте.

— Это вряд ли. Только если что-то случится.

Взрослые переглянулись и уже окончательно уехали. Дети так и сидели без движения ещё около часа — не уверены были, что взрослые не вернуться. И только потом стали обустраиваться по-своему.

— Слезить поглядеть в домик на дереве — никто ли не стащил наши вещи? Или незачем? Нас тут снарядили, как в дальний поход...

— Не стоит, — ответила Аля, — лучше бы присмотреть другое место — только наше. Это теперь не годится.

Они долго сидели хмурые и расстроенные до последней степени — их тайное место, где они чувствовали себя свободными людьми, перестало быть тайным! И, главное, люди, которые место теперь знают, считаются друзьями. И что теперь делать?

— Они хотели, как лучше, — самого себя убеждая, сказал Кир.

Аля только кивнула — понятно, что побуждения у них были добрые.

— Вместе пойдём искать новое место?

Она тут же встала:

— Давай это всё пока поднимем наверх. А с собой возьмём только еду. Потом спустим и перенесём — если найдём куда.

— Непременно найдём!

На подъём в домик на дереве всего привезённого они потратили почти полчаса и дико умаялись.

— Может, завтра с утра начнём искать? А пока искупаемся?

Аля согласилась — она, во-первых, девочка, то есть куда слабее Кирилла, тем более, что он старше, а, во-вторых, с таким настроением лучше никаких дел не начинать. А искупаться хорошо бы.

— Интересно, наша запруда уцелела?

— Вот и проверим заодно.

Запруда почти не пострадала, хотя было необходимо её укрепить там, где лёд несколько покорежил. Но тут он медленно таял — речушка-то маленькая, так что ледохода почти не было.

В этот раз у ребят был с собой топорик, так что нарубить ивы и сплести нечто вроде плетня, который потом обложить камнями, труда не составило. Хотя некоторое время понабилось. И лопатка пригодилась — углубить канавы, по которой в запруду вода втекала и вторую — по которой ниже вытекала обратно в ручей.

— Купаться холодно, да мы у бабушки недавно мылись. Только руки и ноги, а?

Да, вода действительно ещё не прогрелась до хоть сколько-нибудь терпимой температуры. Зато они этой возней с запрудой словно сбросили с себя раздражение...

— Как думаешь, — спросила Аля, — если мы немного пройдемся вниз по ручью, найдём новое место? Чтобы воды было поглубже. А рыба ведь и там есть, причём, подозреваю, больше, чем здесь.

— Пройдём, если хочешь. А если ничего не отыщем, пойдём вверх. Нам главное на хоженные тропы не наткнуться.

— Вот именно!

Они вернулись к старому лагерю, разожгли костёр и смотрели печально в огонь: нигде нет спасения от взрослых. Страшные люди! Хотят — рожают детей, не хотят — знают, что делать, хотят — воспитывают, не хотят — сдают в детдом. Потом, небось, когда нагуляются, а дети подрастут где-то там, в приютах, возвращаются и забирают. А почему нет — бесплатная прислуга на все случаи жизни. Главное — никто даже не подумает, что эта типа сиротка — твой собственный ребёнок! Наоборот — хвалить будут, что взяли в дом, пригнали, приютили, содержат...

Если, конечно, кому-то придёт в голову спросить — кто это такой в роли прислуги. Но прислуга редко кому интересна...

А те, кто вроде нормальные люди, обязательно стремятся забить тебя в какие-то рамки и требуют делать то и это: ты, типа, слишком мал, а потому без заботы взрослых тебе никак! Ну, конечно! Прекрасно без них обходились. И если бы не было нужно получить образование — только бы вы нас и видели! Ничего, это всего десять лет!

— Послушай, Кир, а тебе не пришло в голову, что мы можем уже сейчас начинать деньги зарабатывать?

— Так я зарабатываю!

— А я нет. А мне очень хочется начать копить, чтобы к окончанию школы не пришлось идти с протянутой рукой.

— И что ты предлагаешь?

— Если мы будем грибы и разные ягоды собирать и продавать, то какие-то деньги накопим, а?

— Можно попробовать. А ещё можно рыбу ловить. И коптить или так, живую, продавать.

— У нас же нет ведра, подохнет, пока до трассы дойдём.

— Я что-нибудь придумаю.

Из ивовых веток Кирилл соорудил несколько корзин — под ягоды-грибы, и ещё две, поменьше, обмазал глиной и поставил сохнуть у костра. А потом увидел, что глина не просто подсохла, а как-то зарумянилась, стал поворачивать вокруг оси:

— Похоже, у нас получился настоящий горшок!

— Главное, чтобы рыба живой осталась!

— Останется!

— А грибы уже есть? Ягоды-то вряд ли...

— Завтра проверим. Пойдём место искать и по пути проверим.

Со всех сторон обдумав проблему, заданную Алей, Кирилл решил, что им необходим компьютер.

— Зачем?

— А деньги куда складывать будешь? Нужен счёт в банке.

— Там, небось, документы нужны.

— Скорее всего. Но это пока не точно. Хотя я думаю, паспорт нужен.

— А его когда дают?

— Мне через три года дадут.

— Придётся просить Артура.

— А может, нам повезёт и мы перепишем данные паспорта бабушки Анфисы? Она вряд ли станет проверять — у неё и компа-то нет.

— А ей за это ничего не будет?

— Придумаем что-нибудь.

— Я не хочу никого просить. Можно пока в стеклянную банку складывать, здесь её держать, а потом, когда у тебя будет паспорт, ты мне счёт и откроешь. А себе — другой.

— Зачем же, мы просто будем помнить, кто сколько положил. А потом, когда и тебе дадут паспорт, с моего счёта на твой переведём и всё.

— Мне пока только семь. Ещё столько же ждать!

— Это быстро, даже не заметишь! Школа и лето — вот и год прошёл!

Аля кивнула — конечно. Только всё равно долго.

— Ты против попросить Артура?

Она внимательно на него посмотрела и снова перевела взгляд на огонь. Хорошо, казалось бы, иметь друга. Плохо, что доверие к этому человеку лишает тебя свободы и вяжет зависимость.

— Артур хороший, — со вздохом сказала Аля. — Но это может измениться. Представь, что он женится. И кто у него будет главным? Явно не ты. И даже не бизнес. А жена. И тогда мы с тобой будем зависеть уже не от Артура, а от этой женщины. Понимаешь?

— Думаешь, может жениться?

— Вполне может. Но даже если просто подружится — всё равно станет от неё зависеть и уже не сможет нам помогать. Или не захочет. Или про нас забудет. Так что я стараюсь ни к кому особенно не привыкать. И тебе не советую. Потом трудно.

— Откуда знаешь?

— Я же когда-то у бабушки жила. Мне пришлось потратить год, чтобы понять, почему меня сдали в детдом. И что они за мной не вернутся. А если и вернутся, то мне это уже станет не нужно.

Это в первый раз Аля добровольно рассказала о своём прошлом. Правила доверия требовали, чтобы и он рассказал. И Кир решил:

— Меня били. Я был не такой, как им надо. И я стал убегать. А потом меня сдали, как и тебя. И ни разу не пришли. А если и приходили, то я к тому времени уже убежал. Полтора года сидел тихо, разбирался, что и как, а потом убежал. И поменял фамилию.

Аля в ответ промолчала: понятно, что нормальные родители детей в детдом не сдают. Какими бы те не были.

— Я бы простила, если бы меня сдали другие, если бы они погибли. Но они живут и удачно обо мне забыли.

— Вот и я.

— И давай о них больше не будем.

— А и незачем о них.

— Зато возникла нужда о сегодняшних поговорить. Про Артура я уже сказала. Понятно, что некоторое время он останется прежним — но какое именно время, он и сам не знает. Теперь типа бабушка: ей сильно надоело быть одной и она за нас ухватилась крепко. И я не удивлюсь, если вздумает за нами в детдом поехать. Это надо пресечь на корню. А ещё есть директриса. Та может сюда припереться.

— И что делать?

— Менять место. Не в этом лесу, а в другом надо искать что-то. И надо отыскать такое, чтобы вначале мы добирались сюда, а уже отсюда — туда. То есть должна быть общая дорога.

— А почему нельзя в этом лесу?

— Потому что он очень посещаем. Вокруг деревни. Плюс наше место теперь известно, как минимум, двоим. И это нам, по крайней мере — мне резко не подходит.

Кирилл задумался.

— Ты уверена, что если мы найдём укрытие далеко отсюда, они нас не найдут?

— Помнишь их любимую фразу? «Я за них отвечаю». Представь Смышляеву в паре с Артуром, которые сюда заявили и нас не нашли. Что они сделают? Организуют поиски. Даже МЧС привлекут. Тут будет толпа, как на Красной площади. И нас обязательно найдут. А как по мне — это уже не отдых. Если надо трястись в ожидании, что эти двое сюда заявятся и организуют поиск по всему лесу. Даже если не явятся — ждать-то мы будем. Мне только этого до полного счастья не хватало.

— И что?

— То. Что надо искать другое место. И пойми — новый лес никак не может примыкать к этому — найдут всё равно. Скажут, что мы заблудились и организуют тут такой чёс, что даже полевые мыши смоятся.

Кирилл молча вскарабкался в домик на дереве и вскоре вернулся с картой, точнее — с двумя: Московской и Рязанской областей.

— Мы пока в Московской, но она плавно перетекает в Рязанскую. И мы как раз в таком месте, где перейти в другую область легче лёгкого. И насколько я понимаю взрослых — у них всё поделено по участкам. То есть если нас станут искать в одной области, во второй даже не почешутся — другой участок и другой начальник.

— Ты уверен?

— Насколько вообще можно быть уверенным в поступках этих непредсказуемых взрослых.

И добавил:

— Это карта для туристов — со всеми заправками, мотелями, гостиницами и прочими памятниками. И лесами, конечно. И прямо рядом — гляди — лес, в котором никаких достопримечательностей. И речка есть. А деревень мало.

— А как мы туда доберёмся?

— По карте тут если прямо — километров десять. А у нас же велосипед есть. Это час — не больше.

— Он след оставляет!

— Само собой. Но мы на нём только до ручья — вещи перевезти.

— Рано везти — сначала надо найти место. И я вообще считаю, что всё, что нам втюхали взрослые, надо здесь оставить. Заберём с собой только то, что у нас было. И то, что мы сами решили привезти. Всё остальное — даже не снимай. Оно нам не нужно.

— Ты уверена?

— Как думаешь, чем меня пытались соблазнить при первой и единственной попытке удочерить?

— Шмотками?

— Именно! Взрослые считают, что на первом месте, на втором и третьем тоже — шмотки. И деньги. Что почти одно и то же. И потому они уверены, что мы тоже можем быть ими куплены. Как шмотки.

Аля некоторое время помолчала, пока не успокоилась:

— Ты видел, как они детей выбирают? Именно что как шмотки на рынке. Чтоб понравилось, долго носилось, но стоило при этом мало.

— Ты поэтому отказалась?

— Поэтому тоже. Но больше из-за тех, которые сдали.

И ещё добавила:

— Артуру за Кара, конечно, спасибо. Но я его теперь лучше у бабушки оставляю. И денег на кормёжку. Тут ему лучше будет.

— Забудет он тебя за зиму.

Аля только плечами пожала: значит, так тому и быть.

Благодаря идеальной географической памяти и, конечно, карте, они ни разу не заблудились. В поисках нового места они попутно набирали грибов и тут же продавали их, выйдя на более-менее оживлённую дорогу. Они так маршрут и строили — чтобы дорога была близко, но место при этом считалось диким и непроходимым. Зная названия деревень, они говорили проезжим, что не из самой деревни, а из рядом стоящего хутора.

К концу двух недель, которые им потребовались, чтобы найти, наконец, подходящее новое место, похожее на прежнее — в лесу, рядом речка, полно ягод и грибов, недалеко от дороги, но именно сюда не попасть, если только не знать тайных тропинок.

Первым делом они соорудили на самом раскидистом дубе домик почти у вершины — с земли совершенно не видимый. И оставили там самое необходимое. Поскольку дубу явно было пару сотен лет, то они даже шалаш внизу не стали строить — мало ли, набредёт кто невзначай... А само по себе кострище никого не удивит — тут всякие бродят, вполне могли себе еду готовить. А что это дети — кому придёт в голову?

Вечером, у костра, Аля сказала неожиданную вещь:

— Кончились наши лесные отдыхи...

— Не понял?!!

— Объясняю: переселение ничего не даст. Нам придётся мотаться на старое место постоянно, чтобы не начались поиски. Значит — никакого отдыха не будет. Заработать тоже не особо удастся — при таком настроении все грибы от нас попрячутся.

— И что?

— Это лето — последнее.

— А следующее?

— Зарабатывать пора. В городе. У тебя работа есть, а я что-нибудь придумаю.

— Тебе же только восемь будет!

— А тебе сколько было, когда ты начал?

— Так я мужчина!

— Женщинам тоже требуется многое.

Кирилл даже растерялся — настолько всё было неожиданно. Аля же продолжила:

— Завтра отсюда уходим. Совсем. На старое место. И будем собирать ягоды и грибы, сколько сможем. И продавать. Мне деньги нужны.

— Зачем?

— Чтобы потом, когда я закончу школу, ни у кого ничего не просить.

— И у меня?

— Ты исключение. Пока.

— Что значит — пока? Я тебе больше не брат?

— Жизнь длинная, давай посмотрим, что будет через пять лет.

— Почему именно через пять?

— Потому что через четыре ты давным-давно получишь паспорт и сможешь и зарабатывать больше, и в колледж поступить, или остаться в школе до аттестата. В общем, сможешь сам решать свои проблемы. А мне даже через пять лет останется ещё целый год до получения паспорта. И я всё ещё буду зависеть от взрослых полностью. Вот и посмотрим, изменится что-то или останется, как было.

— Но ведь на лето детдом едет в лагерь.

— Хоть на луну. Я буду работать.

— А кто тебе позволит?

— Им никто не скажет, что мы работаем. Будем говорить, что едем в лес на всё лето.

— А жить где?

Аля на него внимательно посмотрела:

— Думаешь, не найдём где?

Кир только плечами пожал.

— А собака?

— Видно, придётся расстаться. Не потянуть мне. Но если смогу, буду бабушке деньги для него высылать.

Кирилл долго думал, а потом согласился:

— Ты права. Отдыха больше не получится. Такого. Может, потом. Когда вырастем.

— Это много лет. Может произойти что угодно. Например, директриса поменяется. Или вообще детдом закроют. Начнутся проблемы, придумаем, как их решить. А пока вот так: это последнее лето для отдыха.

Он только вздохнул, соглашаясь.

— Если Артур откроет нам онлайн-счета в банке, мы сможем пополнять его через терминалы. И даже что-то покупать в интернете.

— Я не собираюсь ничего покупать. Только копить. А если и буду покупать, то за наличные.

— И чем будешь зарабатывать?

— Да хотя бы банки из-под пива сдавать в автоматы. Или придумаю что-то ещё. У меня ещё время есть, чтобы придумать.

Ей понадобилось всего десять минут:

— Если у нас будут открыты счета, мы сможем продавать готовые домашние задания!

— И я?

— И ты! Но придётся попросить Артура открыть их нам. А потом поменяем пароль.

— Зачем? Он наших денег не возьмёт.

— На всякий случай!

## Глава 2 Юность

Паспорта детдомовцам вручали прямо на месте — прибыл сотрудник паспортного стола и вручил всем десяти счастливицам документ во взрослую жизнь. Включая Кирилла.

— Ну вот, теперь я смогу открыть новый счёт в банке, а тот, который открыл Артур, отныне будет только твоим. Пока и ты не сможешь открыть собственный.

— Мне ещё больше двух лет ждать, — уныло ответила Аля.

— Это быстро, вот увидишь. В любом случае этот будет только твоим. Можешь пароль поменять, хотя я и так к тебе не полезу.

— Поменяю. От греха.

— Так будет лучше. Не хочу, чтобы ты во мне сомневалась.

— А я и не сомневалась.

За прошедшие пять лет Кирилл здорово вытянулся и выглядел весьма симпатичным юношей — высоким для своего возраста, умным, энергичным и, по отношению к Але, очень заботливым. Никто и не сомневался, что он брат Александры. А она никого не разубеждала.

Она тоже сильно подросла — для одиннадцати лет Аля была достаточно высокой, хотя и тонкой, как тростинка. Не помогли приобрести более крепкую фигуру и активные занятия физкультурой и даже в группе самбо, куда её долго не хотели принимать. Но она настояла: умение защититься ей в жизни точно понадобится!

Подруг она не заводила, хотя была ровно доброжелательна со всеми и щедро делилась своими знаниями и умениями. Но зато тайны хранила при себе. А при попытках приблизиться хотя бы в ранг временной подруги как-то была вынуждена ответить:

— Послушай, я против тебя ничего не имею. И ни против кого-то другого. Мне просто не нужны подруги. Мне в принципе никто не нужен. Я решила и постановила: ни с кем не сближаться, чтобы ни от кого не зависеть. И потом — мне совершенно не улыбается доверить кому-нибудь что-то важное и потом дрожать, что меня предадут.

— Но я не собираюсь...

— Никто не собирается! Но постоянно предают. Причём даже этого не понимают. И да — я некоторых проверяла. Говорила что-то конкретное только одному человеку. Не проходило дня, чтобы это же, но перевернутое, до меня не докатывалось. Хроническое недержание информации.

— Откуда ты знаешь, что именно...

— А я всегда говорила только одному человеку такое. И всегда! — понимаешь, всегда!!! — это пересказывалось кому-то ещё. Так что мне подруги не нужны. Вы все мне подруги, все одинаковы и никакой большей близости ни с кем у меня не будет. Никогда.

Одноклассницы — Аля специально говорила настолько громко, чтобы слышали все — были настолько ошарашены, что даже не сразу нашлись с ответом.

— У каждого человека должны быть друзья.

— Я заведу друзей, когда вырасту. Когда выйду отсюда. Возможно, это будет кто-то из вас. А пока мне надо готовиться к самостоятельной жизни. Не понимаю, почему это же не беспокоит никого из вас.

Они опять растерянно переглянулись:

— Мы же ещё маленькие!

— Неужели? Нам скоро паспорта выдадут — через каких-то два года. То есть нас признают взрослыми. А кто из вас знает, как жить будет? Кем станет? Где возьмёт жилье, одежду, куда пойдёт учиться? И так далее.

— Ты, можно подумать, знаешь!

— Конечно. Я стану юристом по семейному праву. И первым делом вышибу из чиновников положенные нам с братом квартиры. Потому что добровольно они не дадут. А когда вышибу и всё устрою, как положено, буду копить на другую, побольше. И на дом за городом. А на всё остальное, вроде хорошего автомобиля, само собой.

— Не у всех есть братья.

— У кого нет, тем следует очень старательно найти друзей.

— Тебе же они не нужны.

— Пока не нужны. Мне нужно хорошо закончить школу, чтобы с первого раза поступить в институт. Стать мастером спорта по самбо — чтобы никто не посмел ко мне прикоснуться. Выучить всё, что может понадобиться для взрослой жизни — чтобы ни от кого не зависеть. Так что не понимаю, почему у вас нет таких же забот.

— А мы не знаем, кем хотим быть.

— Я бы на вашем месте задумалась над этим.

— Но ты не на нашем месте.

— Моё точно такое же.

— Но у тебя есть брат.

— И что? У него будет своя жизнь, а у меня своя. Причём ему ещё предстоит армия, то есть целый год он будет не в состоянии мне помочь хоть чем-нибудь. Как бы не наоборот. А если я буду хлопать ушами, то ничем и никак ему помочь не сумею.

— И что нам делать?

— Думать. Надумаетесь — приходите: помогу, чем смогу.

Это прозвучало достаточно странно, если учесть, что Аля была младше всех больше чем на два года: поступила в школу в неполных шесть и сразу во второй класс. Сейчас, в неполных двенадцать, она оказалась умнее, даже мудрее тех, кому уже выдали или скоро выдадут паспорт. А с паспортом они могли поступать в колледжи и искать законную подработку. Вот только на первое решились немногие, а на второе — почти никто. И это при том, что у Али уже не только был счёт в банке, но и некоторая, не очень большая, но честно ею заработанная, сумма.

Поскольку даже к окончанию полного школьного курса ей будет только неполных шестнадцать, то она собиралась получить аттестат, причём как можно лучший. И поступить в институт. Но и до поступления она, прямо уже, начала старательно штудировать семейное законодательство, особенно в той части, где было указано, как государство обязано обеспечивать выпускников детдомов. Тех, у кого нет родителей или любых других старших родственников.

Надо отметить, что те, кто составляет законы, пользуются таким языком, что язык этот почти не читабелен и трудно понимаем. Но Аля была уверена, что разберётся и всё поймёт. И как только получит паспорт, начнёт штурмовать казённые кабинеты, чтобы добиться получения квартиры сначала Кириллом: он закончит школу намного раньше, а где ему жить?

И профессию он уже выбрал: дизайн. От помещений и зданий до территорий. Это, конечно, слишком широко, но лучше иметь широкую профессию, чем узкоспециальную. В выборе Кириллом профессии сыграли роль слишком унылые интерьеры казённых домов, в которых им пришлось обитать. Конечно, хороший дизайн (начиная с проекта) стоит хороших денег, а кто их детдому даст? Но потом, когда он станет свободным человеком, Кирилл не хотел жить в унылых стенах и домах. А кто сделает лучше тебя самого?

Вот только до этого ещё предстоит закончить школу и отслужить в армии. Выбить у чиновников жильё. Поступить в институт и получить профессию. И найти хорошую работу с максимально большой зарплатой.

— Да погоди ты с зарплатой...

— Нет, Аля, я хочу тебе помочь на первых порах. А поэтому зарплата должна быть хорошей. Причём, когда ты сама поступишь учиться, я тоже ещё буду студентом. А наших накоплений ни на что не хватит.

— Почему это?

— Потому что я заглядывал в магазины женской одежды. И цены там такие, что наши совместные накопления — даже с расчётами на будущее — как раз на один для тебя приличный наряд.

Аля засмеялась:

— Я же не принцесса, вполне оденусь в то, что носят все.

— Ты не все. Ты моя сестрёнка и должна иметь всё самое лучшее.

Вид при этом был у Кирилла такой, словно он спорил со всем миром, хотя даже с Алей не спорил, а просто разговаривал.

— Ладно, нам до этого дня ещё шагать и шагать.

— Вот я и буду шагать — делать проекты для студентов и всех желающих. За деньги. Чтобы к выпускному ты получила отличный наряд.

— Давай мы к твоему выпускному выйдем из чиновников жильё для тебя. Как и положено.

— Ты знаешь, как?

— Пока не точно, но я с этими законами разберусь. В запасе ещё есть немного времени.

— А нельзя выбивать одну для двоих квартиру? Мы же вроде как брат с сестрой?

— А где у нас документы об этом? Их нет. И быть не может. Поэтому лучше выбивать две.

Кирилл задумался: действительно, они-то твердили, что они брат и сестра, да и в документах у них записана та же фамилия и то же отчество — кстати, неправильное, поскольку они договорились утверждать, что их отца звали Александром, хотя Аля о своём отце не знала вообще ничего, а отчество у Кирилла Серова было другое — Игоревич.

Так что документов о родстве у них не было. Аля, как всегда была права: совпадений в фамилиях и отчествах — сколько хочешь. А тест на родство показал бы полное этого родства отсутствие. Да и все документы у обоих сделаны трудами Смышляевой. И с реальностью имели общего только имена и возраст, да и тот у Кирилла был неправильный.

Сейчас они решали: учиться Кириллу дальше в школе или поступить в колледж — он заканчивал восьмой и вполне мог это сделать.

— Получи аттестат! Без него в институт не поступишь!

— Почему это? С дипломом колледжа, тем более — по специальности на раз поступлю. А ещё у меня будет солдатская льгота. Меня не это волнует: как ты тут без меня останешься одна?

— Почему без тебя? Если нам удастся выбить тебе квартиру или хотя бы комнату, я буду к тебе в гости приходить. Или ты ко мне. Мы же в разных классах всё равно. Но я хочу получить аттестат: я в юридический поступать буду. А в колледжи можно только после девятого класса. Уж лучше получить аттестат.

— Смотри сама. Но я собираюсь до армии выбить квартиры и сделать несколько проектов — денег заработать. Если удастся выбить жильё, мы могли бы жить вместе.

— Вот это отпадает. Если у меня будет возможность жить у тебя, как у брата, мои шансы на получение собственного жилья резко падают. А если я буду учиться в колледже, то чем общежитие лучше детдома? Только к новым людям привыкать придётся. Нет уж.

Кирилл пожал плечами: он уже привык, что Аля, почти четырьмя годами его младше, почему-то лучше него оценивает и саму ситуацию, и перспективы на будущее. И лучше разрабатывает планы, как достичь целей. И, что интересно, всегда их достигает.

— Есть ещё проблема с колледжем, о которой ты точно не подумал. Это еда. Здесь кормят. А когда ты будешь студентом колледжа, ты будешь сам обязан кормиться. Готовить ты не умеешь, а это значит, что есть будешь плохо и, в лучшем случае, полуфабрикаты. За общежи-

тие тоже надо платить. А если и освободят, то надо будет опасаться не только пьянок-гулянок, но и воровства. Потому что там нравы слишком свободные.

— Да что у меня красть-то?

— Воры найдут. Поэтому, я считаю, колледж подходит или для тех, кто приезжает из мест, где таких же колледжей совсем нет, либо для тех, кто живёт дома.

— Но если я получу жильё...

— То или мне придётся жить с тобой, чтобы отваживать всяких нежелательных гостей, или ты за неделю потратишь стипендию и будешь голодать.

— А я могу жить здесь?

— Это надо узнать точно!

— Но я хотел начать зарабатывать!

— В интернете полно всяких обучающих программ. Да в тех же колледжах посмотри — там выложены программы обучения. И по каждому вопросу ищешь материал. А проекты можно и здесь делать.

— А кому я их тут продам?

— Опять же: ищи в интернете. Сделай сайт с проектами и раскрути его. Покупатели сами найдутся.

Кирилл почесал в затылке: вроде всё верно говорит, но он уже так намерился в колледж...

— А если не передумаешь, после армии поступишь.

— Зачем мне после армии колледж? Я тогда меньше чем институтом не удовлетворюсь.

— Вот и правильно!

Так и получилось, что Кирилл закончил школу, отслужил в армии и как раз вовремя вернулся, чтобы получить жильё и встретить Алю-выпускницу. Которая первым делом ринулась не в институт, а к чиновникам — вышибать положенное жильё для себя и других. С ней пришли и все одноклассники. Так что, обложенные отрядом упорных и настойчивых детдомовцев, казённые люди были готовы им собственное жильё отдать, лишь бы только никогда больше их не видеть.

Аля получила жильё в соседнем переулке, так что в гости можно было ходить пешком.

— А теперь: на штурм гранита науки.

Поступили оба, причём, естественно, на бюджетные места: уж они на платные отделения поступить себе позволить не могли.

— Ну вот, а ты боялась!

— Не боялась, а допускала возникновение трудностей. А они и были — трудности. Но поскольку мы были подготовлены, то и преодолели их. Теперь осталось только отучиться и найти хорошую работу.

— А как мы будем жить на стипендии?

— Ну, не только на них. Помимо того, что у нас есть некоторые накопления, мы продолжим продавать работы — только теперь студентам. Я, ты же знаешь, право изучаю ещё с пятого класса. И к нынешнему дню неплохо в нём разбираюсь. Так что делать работы — не только свои, но и для сокурсников — не проблема.

— А у меня есть несколько неплохих проектов.

— Обратись в дизайнерские конторы — вдруг купят? Или подработку дадут? Им свежие идеи всегда нужны.

— Уже! Я тут в двух местах уже договорился.

— А я что говорила!

— И знаешь что, сестрёнка? С первых же денег купим тебе наряд. Хоть один. Но зато полный комплект. То есть плюс туфли, сумочки и прочие шарфы с перчатками.

— Уж лучше деловой костюм. Он мне точно скоро понадобится.

— Договорились!

До начала занятий оба трудились, как рабы на галерах — Александра строчила работы для портала, именно такими работами для студентов и промышленным, Кирилл обошёл все фирмы, имевшие хоть какое-то отношение к дизайну и везде предлагал свои услуги, включая уже готовые проекты. К сентябрю оба получили неплохие деньги, но Кир настоял, чтобы костюм Але купили именно за его заработки.

Александра была красива той изящной, изысканной красотой, которую могут оценить далеко не все: белокурые волосы налились цветом и отливали золотом даже в самый хмурый день, глаза были или светло-карие, почти золотистые или становились чёрными, как небо в грозу — в зависимости от её настроения и душевного состояния, белоснежная кожа была так нежна, что это было видно невооружённым глазом, фигура — так совершенна, что если бы она задалась целью её подчёркивать, мужчины — от старших детсадовцев и до дряхлых старикашек — сами укладывались бы в штабеля...

Но у неё были другие цели: заработать столько денег, чтобы заполучить всё запланированное: нормальный загородный дом с садом, приличную удобную квартиру, автомобиль класса люкс, библиотеку, в которой было бы всё интересное, одежду на все случаи жизни — для любого общества... И много чего ещё.

А при этом помочь всем, кого, как её и Кирилла, бросили двуногие, не достойные называться родными людьми.

Времени у неё не было совершенно: целеустремлённое движение к намеченным целям не отменяло необходимости учиться в институте. А это требует достаточно больших сил, внимания, энергии и времени. Спать удавалось ровно столько, чтобы прожить следующий день и не рухнуть замертво у ног преподавателя. Ибо ведь неправильно поймут!

Авансы от сокурсников, желавших завертеть флирт или стать подругой, Аля спокойно отвергала — некогда, братцы кролики! У меня просто нет ни сил, ни времени на какие бы то ни было отношения. И дело совсем не в вас, а именно в этих причинах. Так что не обижайтесь...

Тем не менее, обижались. Аля только плечами пожимала: да на здоровье! У вас есть время на увеселительные походы, тусовки и прочие развлечения, а у меня нет.

— Но почему?

— Потому что я детдомовка. Мне, в отличие от тебя, никто никогда ничего не даст, ибо некому. А это означает, что всё мне нужное я должна получить сама — от еды до статуса и карьеры. Теперь понимаешь?

Люди трудно понимают других, особенно если указанные собеседником причины мешают получить нечто желаемое.

— Может быть, позже, на старших курсах, если мне удастся достичь нужных результатов, время появится. Но пока — извините...

Так и получилось, что Аля не обзавелась ни подругами, ни поклонниками. Точнее, никому такие статусы не присвоила, хотя соискателей было немало. Да ей и не нужны были ни те, ни другие. Во-первых, она не верила никому. Кроме Кирилла, да и то не на сто процентов: он мог влюбиться, жениться, завести друзей и тогда её интересы и интересы новых в его жизни людей могут войти в конфликт. А это стало бы причиной страданий названного брата. Этого Аля допускать не собиралась, а потому всё, что она могла делать сама, она сама и делала.

Во-вторых, ей настолько не хватало времени, что пришлось отложить на неопределённый срок занятия в группе самбо — даже дома она не могла заниматься из-за нехватки сил и времени. Она засыпала, не успев долететь головой до подушки, но каждое утро поднималась на третьем сигнале будильника. И никогда, ни разу она не усомнилась в правильности своего распорядка — она вроде бы никуда не торопилась, но поскольку было решено к получению диплома добиться определённого размера банковского счёта и найти надёжную работу — это отмене не подлежало. А помимо учёбы у неё в работе постоянно было несколько дел по содей-

ствию детдомовцам: чиновники такие нестигаемые конструкции, что без умелых приёмов их не повернуть даже на полградуса.

Только к началу четвёртого курса на счету был, наконец, первый миллион. Квартира пока была та же, полученная от государства, теперь приватизированная и отделанная по лучшему из проектов Кирилла. Шкаф также был заполнен всем, что Александра сочла нужным к данному времени приобрести. А миллион должен был превратиться не в два, а в сто. Поэтому работу и прочие дела никто не отменял. Помимо прочего, ей удалось найти место помощницы у самого известного юриста Москвы и он не мог пожаловаться на малейшее небрежение в делах, порученных Але.

— А жить ты когда собираешься? — как-то спросил названный брат. — Ты в курсе, что каждый первый из моего окружения просит замолвить перед тобой словечко в его пользу?

— Зачем?

— Ты на себя в зеркало смотришь, а?

— Естественно, каждый день по много раз. А что?

— Ты же красавица! И все известные мне мужчины теряют голову при одной мысли о тебе!

— Не ври! Мужчины вообще не влюбляются!

— С чего ты взяла?

— Из жизни. Она, если ты не в курсе, практически вся состоит из трагедий женщин, брошенных мужчинами, которым приглянулось свежее личико.

— Но ведь когда-то придётся же выйти замуж! Ты что, не хочешь семью? Только не говори, что нет.

— А ты что, жениться собрался?

— Я если и женюсь когда-нибудь, то на тебе.

Аля застыла в шоке!

— Ты с ума сошёл? Ты же брат!

— Но мы-то с тобой знаем, что мы с тобой чужие по крови люди. И вполне можем жениться.

— Нас не поймут. Не хватало ещё обвинений в инцесте! И потом — я замуж пока не собираюсь вообще, а за тебя — в частности.

— Почему?

— Не время.

— Тебе денег не хватает? Давай я половину своих переведу на твой счёт. И он сразу увеличится в десять раз.

Спасибо, не надо. Моя профессия доходна не меньше твоей. Но ты редко, в отличие от меня, работаешь бесплатно. Но мне когда-нибудь мои подопечные заплатят.

— Если не забудут.

— Не забудут!

— Кстати, стоит нам сделать тест на родство, как сразу всё встанет на свои места: мы ведь чужие.

— И ты будешь всем эту бумажку показывать?

— Почему бы и нет?

— Потому что я замуж не собираюсь.

— А когда соберёшься?

— Когда полюблю кого-нибудь. А при моём полностью отсутствующем доверии это вряд ли произойдёт в данном явлении.

Кирилл хмыкнул: как любой мужчина, он был уверен, что женщина состоит сплошь из эмоций и как только настанет время, она обязательно полностью предаст себя в волю того,

за кого выйдет замуж. Но мужчины почему-то постоянно забывают поговорку о том, что мужчина-то — голова, но головой вертит шея: куда захочет. А поэтому...

Впрочем, Але не было дела до мужских планов и намерений: у неё своих планов было множество. И ни в один из них не входил мужчина, как главный партнёр в чём бы то ни было. Нет, она их вовсе не чуждалась, охотно (или вынужденно) сотрудничала, но ни один не затронул её сердца. Все они были достаточно тупоголовы, чтобы не считать их кем-то выдающимся настолько, чтобы покорно склониться под их власть.

Влюбиться? Наверное, это когда-нибудь случится. Но память у Али была практически идеальной: достаточно того, что в её жизни было две женщины, которые сотворили эту глупость. И обрекли её на сиротство.

В свои двадцать два она не видела никого, кого могла бы, хотя бы, похвалить, за идеальные манеры, острый ум, отличное чувство юмора, дальновидность и готовность достигать высот. Все были стандартные, как дефектные болванки. Но больше всего ей, мягко говоря — не нравилось (чтобы не сказать — унижало) то, что особи мужского пола своё хорошее отношение к особи женского пола определяли словом «хочу». И никаких других оценок. Всё остальное не имело значения: если не срабатывало «хочу её», то она могла быть хоть принцессой древнейшего рода или пьяной бомжихой — не суть. С такими особями дела иметь не стоило изначально. И рассчитывать, что в мире существует хотя бы один, кого будут интересовать другие характеристики — не приходилось.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.